

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В МОКШАНСКИХ, КОМИ-ЗЫРЯНСКИХ И ХАНТЫЙСКИХ ИДИОМАХ

МУРАВЬЕВ Никита Алексеевич,

младший научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук» (г. Москва, РФ), nikita.muraviev@gmail.com

Введение. Работа посвящена проблеме функционирования и интерпретации таксисных форм с семантикой одновременности в языках финно-угорской группы. Существующие описания форм преимущественно затрагивают формальную сторону вопроса, в то время как семантические и прагматические свойства, лежащие в основе их конкуренции, до сих пор не получали достаточного освещения. Цель статьи состоит в семантически и прагматически ориентированном описании форм и уточнении имеющихся типологических классификаций. Предметом исследования являются формы деепричастий в трех языках: мокшанском, коми-зырянском и хантыйском. Результаты могут быть использованы при составлении учебных пособий по грамматической семантике, а также в полевых исследованиях.

Материалы и методы. Анализ форм проведен на материале данных, полученных методом анкетного опроса носителей в с. Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Республики Мордовия (2013–2015 гг.) и с. Мужы, Восяхово, Овгорт Ямало-Ненецкого автономного округа (2016, 2017 гг.).

Результаты исследования и их обсуждение. Дается краткая семантическая характеристика форм, затем последовательно рассматривается их употребление по трем типологически релевантным параметрам: видовому ракурсу ситуаций, прагматическому включению ситуаций и прагматическому статусу зависимой ситуации. На основе распределения форм по указанным параметрам выделяются три типа форм одновременности: нестрогой стандартной одновременности, строгой стандартной одновременности и сопровождающего обстоятельства.

Заключение. Рассмотренный материал деепричастий с семантикой одновременности показывает, что выделяемые параметры (видового ракурса ситуаций, прагматического включения и прагматического статуса зависимой ситуации) позволяют получить более ясную картину функционирования и дистрибуции подобных форм в контексте изучения финно-угорских языков и типологии.

Ключевые слова: деепричастие; таксис; одновременность; семантика; прагматика; коми-зырянский язык; мокшанский язык; хантыйский язык.

Для цитирования: Муравьев Н. А. Семантика и прагматика глагольных форм одновременности в мокшанских, коми-зырянских и хантыйских идиомах // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 52–62.

Введение

Финно-угорские языки обладают богатым набором нефинитных глагольных форм (причастий, деепричастий, отглагольных имен и др.), которые, в частности, используются в обстоятельственной функции, указывая на временные, причинные, условные и прочие отношения между двумя ситуациями в предложении. Обстоятельственное употребление таких форм по большей части сосредоточено вокруг семантической зоны таксиса (о понятии таксиса см., например [14, 21–22; 17, 101]), а именно вокруг отношений одновременности, предшествования и следования. При этом существенной и крайне мало исследованной особенностью рассматриваемых языков является наличие конкурирующих синонимичных форм, различающихся отдельными нюансами семантики и прагматики.

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые семантические и прагматические особенности, лежащие в основе вариативности глагольных форм с семантикой одновременности в некоторых диалектах мокшанского, коми-зырянского и хантыйского языков. Данное исследование проведено в русле открытий последних лет по грамматической семантике глагола (см., например, [11; 13; 16]).

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые семантические и прагматические особенности, лежащие в основе вариативности глагольных форм с семантикой одновременности в некоторых диалектах мокшанского, коми-зырянского и хантыйского языков. Данное исследование проведено в русле открытий последних лет по грамматической семантике глагола (см., например, [11; 13; 16]).

Обзор литературы

О типологически релевантных параметрах варьирования семантики и прагматики таксисных форм сегодня известно крайне мало. Закономерности их употребления до некоторой степени раскрыты в работах сборника [14], посвященных таксису в отдельных языках и в обзорном исследовании деепричастных форм на материале языков Евразии [23], содержащем, в частности, их семантическую классификацию, на которую мы будем опираться далее. Некоторые значимые теоретические наблюдения содержатся в статьях сборника по типологии деепричастий [20], где в качестве факторов, влияющих на интерпретацию форм, называются видовременные и акциональные характеристики ситуаций, порядок следования клауз, сфера действия операторов, интонация и некоторые другие. Тем не менее типологические исследования действия данных факторов на широком языковом материале практически отсутствуют. Известны лишь немногочисленные конкретно-языковые обзоры употребления деепричастий, где большое внимание уделяется семантике и прагматике форм [8; 23, 267; 24, 468–476]. Из материалов по финно-угорским обстоятельственным конструкциям семантическая проблематика затрагивается, в частности, в [6; 16; 25].

Материалы и методы

Материал языков был собран в ходе полевой работы в с. Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Республики Мордовия (2013–2015 гг.) и с. Мужы, Восяхово, Овгорт Ямало-Ненецкого автономного округа (2016, 2017 гг.) методом опроса носителей языка с помощью анкеты, содержащей предложения на языке-посреднике (русском) и их перевод на изучаемый язык. Это единственно доступный метод получения сведений по исследуемым конструкциям, поскольку он позволяет выявить все возможные интерпретации интересных нам форм в каждом конкретном контексте, тогда как в текстовых источниках рассматриваемые формы характеризуются

низкой частотностью. Так, в текстовом корпусе исследуемых говоров мокшанского языка на 20 088 словоупотреблений найдены лишь 24 употребления формы на *-əz'*, семь употреблений формы на *-əms̥tə* и шесть употреблений формы на *-əmək*. Похожая картина и в других идиомах, что делает невозможным детальное сопоставление данных форм на основе анализа текстов.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования были выявлены три основных параметра, определяющих интерпретацию и дистрибуцию деепричастных форм с семантикой одновременности в исследуемых языках:

1) видовой ракурс ситуаций – различает имперфективную и перфективную главную и зависимую ситуации, набор допустимых ракурсов, в свою очередь, определяет, является одновременное отношение строгим или нестрогим;

2) прагматическое включение ситуаций – делит ситуации на имеющие конвенционализованное время и не имеющие такового;

3) прагматический статус зависимой ситуации – различает пресуппозитивные и асертивные зависимые ситуации.

Рассмотрение данных параметров мы предварим краткой семантической характеристикой форм.

Краткая семантическая характеристика рассматриваемых форм

В каждом из рассматриваемых в работе идиомов имеется по 3–4 синтетические глагольные формы, выражающие отношение одновременности. Различаются простые одноморфемные деепричастия и сложносоставные глагольные деривации от простых форм. Часть форм содержит изменяемые по лицу и числу показатели посессивности. В данной работе мы ограничимся анализом именно синтетических форм. Стоит упомянуть, что существуют также многочисленные аналитические сочетания глагольных форм с послелогам, которые представляют собой отдельную тему для исследования.

К глагольным формам, выражающим семантику одновременности в мокшанском языке, относятся формы на *-əmstə*, *-əmək* и *-əз'*. Форма на *-əmstə*, описание которой можно найти в [3, 324; 5, 503–505; 10, 216], представлена ниже в примере (1). Она состоит из показателя инфинитива на *-əm*, элативного падежа на *-stə* и в некоторых случаях посессивных маркеров согласования с собственным субъектом и выражает значение **стандартной одновременности**, по классификациям И. П. Недялкова [23, 432, 440, 445] и Т. Гивона [19, 330].

Мокшанский

- (1) *mon' mol'-əm-stə-n* son *jaŋca-s'*
я.ОВЛ идти-ИНФ-ЕЛ-1СГ.ПОСС он есть-ПСТ.3СГ
'В то время как я шел, он поел.'

Формы на *-əmək* и на *-əз'* описаны в [3, 225–226; 4, 357–362] и представляют собой одноморфемные формы простых деепричастий. Форма *-mək*, приведенная в (2), используется в значении **стандартной одновременности** и **контактного предшествования**, по классификации И. П. Недялкова [23, 445] и Т. Гивона [19, 330].

- (2) *s'oran'-əs' ivac' van-əmək langə-zə-n*
мальчик-ДЕФ крикнуть: смотреть- на-ИЛЛ-1СГ.
ПСТ.3СГ CONV.SIM POSS
'Мальчик крикнул, глядя на меня.'
'Мальчик крикнул, посмотрев на меня.'

Форма на *-əз'*, показанная в (3), выражает значение **сопровождающего обстоятельства**, по И. П. Недялкову [23, 432] и Э. Кёнигу [20, 65–66].

Мокшанский

- (3) *s'oran'-əs' ivac' langə-zə-n van-əз'*
мальчик-ДЕФ крикнуть: на-ИЛЛ- смотреть-
ПСТ.3СГ 1СГ.ПОСС CONV.АССР
'Мальчик крикнул, глядя на меня.'

В ижемском коми одновременность выражается посредством деепричастной серии форм с показателем *-ig*, включающей формы *-igen*, *-igX*, *-igmoz* и *-igtir* [1, 431–433; 9, 101, 102; 12, 244–245]. Из первых двух в (4) форма стандартной одновременности на *-igen* образуется от *-ig* при помощи падежного показателя инструменталиса на *-en*, а форма *-igX*, являющаяся посессивным коррелятом *-igen*, – с помощью маркеров эссива/элатива посессивно-именного склонения.

Коми-зырянский (иж. диал.)

- (4) *tuj kuz'a mun-ig-as / sia kized-is*
mun-ig-en
дорога по идти-CONV-ЕСС.ПОСС он кашлять-
3СГ / -CONV-ИНС PST.3СГ
'Идя по дороге, он кашлял.'

Оставшиеся две формы на *-igmoz* и *-igtir* в (5) образуются при помощи формантов послеложного происхождения. Первая форма совмещает значения стандартной одновременности и сопровождающего обстоятельства, тогда как вторая используется исключительно для выражения значения сопровождающего обстоятельства.

Коми-зырянский (иж. диал.)

- (5) *tuj kuz'a mun-ig-as / sia kized-is*
mun-ig-en
дорога по идти-CONV-SIM он кашлять-
/ -CONV-АССР PST.3СГ
'Идя по дороге, он кашлял.'

В хантыйском языке отношение одновременности кодируется формами на *-m-X-ən*, *-t-X-ən* и *-man*. Первые две формы, описанные в [2, 180; 7, 145; 15, 758, 759], состоят из показателя перфективного причастия на *-m* (6) и соответственно имперфективного причастия на *-t* (7) в сочетании с показателями посессивности и локативного падежа на *-ən*. Они выражают значение стандартной одновременности.

Западнохантыйский

(уральские, шур. диал.)

- (6) *ma xətxar loxət-t-em-ən joxt-əs pox-em*
я пол мыть-ИРФ.РГ- прийти- мальчик-1СГ
1СГ-ЛОС PST.3СГ
'Когда я мыл пол, пришел сын.'

- (7) *luw lajəm-əl pon-m-al-ən mǎn-əs*
он топор-3СГ класть-ПФВ идти-
РГ-3СГ-ЛОС PST.3СГ
'Он положил топор и ушел.'

В свою очередь, к значениям одноморфемного простого деепричастия с показателем *-man*, упоминаемого в [2, 182; 7, 146, 147; 15, 761] и представленного в (8), относятся стандартная одновременность и стандартное следование.

Западнохантыйский

(уральские, шур. диал.)

- (8) *luw lajəm-əl pon-man mǎn-əs*
он топор-3СГ класть-CONV идти-ПСТ.3СГ
'Он, кладя топор, ушел.'
'Он положил топор и ушел.'

Наличие в каждом языке более одной формы с семантикой одновременности неслучайно. Их дистрибуция и интерпретация зависят от ряда семантических и прагматических параметров, которые будут подробно рассмотрены далее.

Видовой ракурс зависимой и главной ситуации

Видовой ракурс ситуаций является наиболее значимым семантическим параметром, определяющим таксисную специфику формы, и отмечается, например, в [23, 447]. Так, если одна из ситуаций имперфективная, то актуальным в высказывании может быть только ее промежуточный длительный фрагмент, и, какой бы ни была вторая ситуация, в любом случае мы наблюдаем их пересечение во времени. Если же обе ситуации перфективные, то они в контексте высказывания имеют точечный характер, и, напротив, их пересечение маловероятно, поэтому преимущественно они осуществляются последовательно. Как показывает материал анализируемых языков, наиболее естественны для всех форм одновременности такие сочетания, в которых зависимая ситуация имперфективная. В частности, в хантыйском предложении (9) с причастно-локативной формой и простым конвербом присутствует имперфективная зависимая ситуация 'видеть' и одновременная с ней имперфективная главная ситуация 'говорить'.

Западнохантыйский (шур. диал.)

- (9) *jūš-ən mǎn-m-ew-ən / potər-s-əw*
mǎn-t-ew-ən / mǎn-man
 дорога-LOC идти-ПФV.ПТ-1SG-LOC / говорить-
 -ПФ.ПТ-1SG-LOC / -CONV PST-1PL
 'Идя по дороге, мы разговаривали.'

В мокшанском примере (10) с элативной формой инфинитива и простым конвербом мы видим одновременность имперфективной зависимой ситуации 'заходить' и перфективной главной ситуации 'уронить'.

Мокшанский

- (10) *kud-u suva-m-stə / pra-ft-in'ə šapka-z'ə-n'*
suva-z'
 дом-LAT войти-ИНФ- упасть-CAUS- шапка-1SG.
 EL-CONV.ACCEP 1SG.S.3SG.O POSS-GEN
 'Заходя в дом, я уронил шапку.'

То же самое касается и трех коми-ижемских форм в (11) с одновременно имперфективной зависимой ситуацией 'пилить' и имперфективной главной ситуацией 'кричать'.

Коми-зырянский (иж. диал.)

- (11) *aj-is pes-se pilit-ig-en / mij-ke gorz-is*
pilit-ig-moz /
pilit-ig-tir
 отец- дрова-ACC. пилить- что- кричать-
 POSS.3SG POSS.3SG CONV-INS / INDEF PST.3SG
 -CONV-SIM /
 -CONV-ACCEP
 'Отец, пиля дрова, что-то кричал.'

Напротив, сочетания, в которых зависимая ситуация перфективная, в целом для форм одновременности нехарактерны. Так, в ижемском коми в контексте перфективной зависимой ситуации 'крикнуть' и имперфективной главной ситуации 'видеть' в (12) ни одна из трех форм недопустима.

- (12) **gored-ig-en / *gored- sia mene ad'd'-is*
*ig-moz / *gored-ig-tir*
 крикнуть-CONV-INS / он я.ACC видеть-PST.3SG
 -CONV-SIM / -CONV-ACCEP
 Ожид.: 'Когда он крикнул, видел меня.'

Тем не менее существуют исключения. Например, в том же контексте в хантыйском языке (13) деепричастие на *-man* не допускается, но возможно использование перфективной причастно-локативной формы.

Западнохантыйский (шур. диал.)

- (13) *uw-əl-m-al-na / *uw-əl-t-al-na / mānem šijəl-əs*
**uw-əl-man*
 крикнуть-CAUS-ПФV.ПТ-3SG-LOC / я.ACC видеть-
 -ПФ.ПТ-3SG-LOC / -CONV PST.3SG
 'Когда он крикнул, видел меня.'

Аналогичная картина наблюдается в мокшанском языке: в контексте перфективной зависимой ситуации 'найти' и имперфективной главной ситуации 'говорить' в (14) из двух имеющихся форм допускается элативная форма инфинитива.

Мокшанский

- (14) *kn'iga-t' mu-m-stə / son korṭa-s' marṭ-ən*
**mu-z'*
 книга-DEF. найти-ИНФ-EL / он говорить- c-1SG.POSS
 SG.GEN -CONV.ACCEP PST.3SG
 'Когда он нашел книгу, он говорил со мной.'

Столь же нехарактерным для данных форм оказывается сочетание двух перфективных ситуаций. Так, мокшанская

элативно-инфинитивная форма и форма простого конверба невозможны в (15) при сочетании перфективной зависимой ситуации 'упасть' и главной ситуации 'встать'. В этом контексте не допускаются и обе коми-ижемские формы (16).

Мокшанский

- (15) **lov-t'i pra-m-stə / višk-stə st'ε-n'*
pra-z'
 снег-упасть-INF-EL / быстрый-ADV встать-
 DEF.DAT -CONV.ACCEP PST.1SG
 Ожид.: 'Я упал в снег и быстро встал.'

Коми-зырянский (иж. диал.)

- (16) **lim vil-as us'ig-en / us'ig- bər suut-i*
moz / us'ig-tir
 снег верх-ILL. упасть-CONV-INS / назад встать-
 POSS.3SG -CONV-SIM / PST.1SG
 -CONV-ACCPE
 Ожид.: 'Я упал в снег и обратно встал.'

В хантыйском языке в том же контексте двух перфективных ситуаций в (17) все формы, кроме локативной формы имперфективного причастия, оказываются возможными.

Западнохантыйский (шур. диал.)

- (17) *lɔns'-a rakən-m-em-na / nox tɔl-s-əm*
rakən-man /
**rakən-t-em-na*
 снег-DAT упасть-PFV.PT-1SG-LOC / вверх встать-
 -CONV / -IPF.PT-1SG-LOC PST-1SG
 'Я упал в снег и поднялся.'

Очевидно, что все формы допускают имперфективный видовой ракурс зависимой ситуации и, следовательно, строго одновременное прочтение, а коми-ижемская форма на *-igtir* при имперфективной зависимой ситуации также требует имперфективного ракурса главной ситуации. Кроме того, четыре формы из рассмотренных допускают перфективный видовой ракурс зависимой ситуации. Мокшанская форма на *-əmstə* в этом случае предполагает имперфективный ракурс главной ситуации, а значит, строгую одновременность двух ситуаций. В то же время хантыйская форма на *-man* и мокшанская форма на *-əmək* при перфективной зависимой ситуации требуют перфективности главной ситуации с разновременной интерпретацией. Наличие и одновременной, и разновременной интерпретации у изучаемых деепричастий говорит в пользу их анализа как форм не-

строгой одновременности. Таким же образом следует, по-видимому, описывать хантыйскую локативную форму перфективного причастия, которая тоже допускает любой видовой ракурс обеих ситуаций.

Прагматическое включение ситуаций

Рассуждая о специфике функции стандартной одновременности и ее отличиях от функции сопровождающего обстоятельства, Э. Кёниг отмечает, что формами стандартной одновременности маркируются ситуации, имеющие конвенционализованную временную рамку или стандартные представления об их длительности/сроках, а также косвенное указание на сочетаемость на данном временном промежутке с какими-либо другими ситуациями [20, 70]. Например, в парах 'спать' + 'храпеть', 'мыться' + 'мылиться', 'есть' + 'жевать' такой способностью обладает первая ситуация, а вторая является частью ее фрейма и в связи с этим прагматически включается в задаваемый контекст. Наиболее последовательно это различие реализуется в мокшанском языке: иллативная форма инфинитива и деепричастия на *-əmək* из пары 'спать' + 'храпеть' маркируют только первую ситуацию (18), тогда как форма деепричастия на *-əz*, напротив, вторую (19).

Мокшанский

- (18) *son ud-əm-stə / ud-əmək / *ud-əz' kərna-s'*
 он спать-INF-EL / -CONV.SIM / -CONV.ACCEP храпеть-
 PST.3SG

'Он храпел во сне.'

- (19) *son ud-əs' kərna-z' / *kərna-m-stə / *kərna-mək*
 он спать- храпеть-CONV.ACCEP / -INF-EL / -CONV.SIM
 PST.3SG

'Он спал, храпя.'

В хантыйском языке картина распределения форм оказывается несколько иной. Так, в предложениях (20) и (21) причастно-локативная форма может маркировать только включающую ситуацию 'спать' в (20), форма же простого деепричастия не привязана ни к включающей, ни к включаемой ситуации и может использоваться в обоих случаях, поскольку занимает промежуточное положение между формами стандартной одновременности и сопровождающего обстоятельства.

ЗАПАДНОХАНТЫЙСКИЙ (шур. диал.)

(20) *pet'a ɔl-m-al-ən / ɔl-man* *türtätl-i-j-əs*
Петя спать-PFV.PT-3SG-LOC / -CONV храпеть-ITER-
OBL-PST.3SG

‘Петя храпел во сне.’

(21) *türtätl-i-man / *türtätl-i-m-al-ən* *pet'a ɔl-əs*
храпеть-ITER-CONV / -PFV.PT-3SG-LOC Петя спать-
PST.3SG

‘Петя спал, храпя.’

Наконец, в ижемском коми представлены все три вышеупомянутых случая. Форма на *-ig* в инструменталисе может маркировать только включающую ситуацию ‘спать’, как в (22); форма на *-igtir*, напротив, только включаемую, как в (23); форма на *-igmoz* – любую из ситуаций.

Коми-зырянский (иж. диал.)

(22) *sia uz'-ig-en / uz'-ig-moz / *uz'-ig-tir* *xorg-is*
он спать-CONV-INS / -CONV-SIM / храпеть-
-CONV-ACCP PST.3SG

‘Он храпел во сне.’

(23) *sia uz'-is xorg-ig-moz / xorg-ig-tir / *xorg-ig-en*
он спать- храпеть-CONV-SIM /
PST.3SG -CONV-ACCP / -CONV-INS

‘Он спал, храпя.’

Рассматриваемые формы, таким образом, делятся на прагматически включающие (*-mXən, -tXən, -əmstə, -əmək, -igen/-igX*), включаемые (*-əz', -igtir*) и амбивалентные (*-man, -igmoz*). К первому типу относятся преимущественно сложносоставные падежные формы (*-mXən, -tXən, -əmstə, -igen/-igX*), а также формы с семантикой нестройной одновременности (*-mXən, -əmək*). Ко второму и третьему типам – морфологически более простые формы с семантикой строгой одновременности, не считая форму на *-man*, допускающую разновременное употребление при двух перфективных ситуациях.

Прагматический статус зависимой ситуации

В разных конкретно-языковых исследованиях отмечается влияние на интерпретацию форм прагматического статуса зависимой ситуации в контексте высказывания, а именно отнесенности маркированной деепричастием ситуации к пресуппозиции или к асерции высказывания [8, 56; 22, 374]. Влияние названного фактора обнаруживается и на исследуемом материа-

ле: формы стандартной одновременности, как правило, маркируют информацию, которая относится к пресуппозиции, формы сопровождающего обстоятельства – новую информацию, которая входит в асерцию. В частности, в мокшанском предложении (24) при элативной форме инфинитива в отличие от простого деепричастия зависимая ситуация ‘работать’ находится в пресуппозиции высказывания при асертивной ситуации ‘петь’.

(24) *al'e-z'ə mora-j rabota-m-stə / rabota-z'*
отец-1SG. петь- работать-INF-EL /
POSS.SG NPST.3SG -CONV.ACCP
‘Отец поет, работая.’

Пресуппозитивный статус элативной формы становится очевиден под общим отрицанием, как в (25), где маркированная элативной формой ситуация при отрицании главной сохраняет положительное истинностное значение. При использовании простого деепричастия в (26) зависимая ситуация приобретает отрицательное истинностное значение и в связи с этим входит в асерцию высказывания.

Мокшанский

(25) *al'e-z'ə af mora-j rabota-m-stə / #rabota-z'*
отец-1SG. NEG петь- работать-INF-EL /
POSS.SG NPST.3SG -CONV.ACCP
‘Отец не поет, работая (= не поет во время работы).’

(26) *al'e-z'ə af mora-j rabota-z' / #rabota-m-stə*
отец-1SG. NEG петь- работать-CONV.
POSS.SG NPST.3SG ACCP / -INF-EL
‘Отец не поет, работая (= не поет и не работает).’

Аналогично с прагматической точки зрения распределены коми-зырянские формы на *-ig* в (27).

Коми-зырянский (иж. диал.)

(27) *me s'il-a rābit-ig-en / rābit-ig-moz / rābit-ig-tir*
я петь- работать-CONV-INS / -CONV-SIM /
NPST.1SG -CONV.ACCP
‘Я напеваю, работая.’

Отрицательный аналог данного контекста показывает, что при использовании первой формы на *-igen* в (28) зависимая ситуация ‘работать’ относится к пресуппозиции высказывания, поскольку сохраняет истинность под отрицанием, тогда как при употреблении форм на *-igmoz, -igtir* в (29) истинность ‘работать’, напротив, утрачивается, следовательно, зависимая ситуация относится к асерции высказывания.

Коми-зырянский (иж. диал.)

- (28) *me o-g s'ii rābit-ig-en / #rābit-ig-moz / #rābit-ig-tir*
 я NEG.NPST-1 петъ работать-CONV-INS /
 -CONV-SIM / -CONV-ACCP

‘Я не напеваю, работаю
 (= я не напеваю во время работы).’

- (29) *me o-g s'ii rābit-ig-moz / rābit-ig-tir / #rābit-ig-en*
 я NEG.NPST-1 петъ работать-CONV-SIM /
 -CONV-ACCP / -CONV-INS

‘Я не напеваю, работаю
 (= я не напеваю и не работаю).’

В отличие от мокшанских и коми-зырянских форм обе хантыйские формы в аналогичном контексте (30) имеют одинаковое распределение коммуникативных ролей между ситуациями.

Западнохантыйский (ср.-об. диал.)

- (30) *as'-em ropit-m-al-ən / ropit-man ari-j-əs*
 отец-1SG работать-PFV.PT-3SG-LOC / петъ-OBL-
 -CONV PST-3SG

‘Отец пел, работая.’

Под отрицанием и та, и другая формы в (31) и (32) сохраняют положительное истинностное значение зависимой ситуации ‘работать’, которая в связи с этим относится к пресуппозиции высказывания при асертивной главной ситуации ‘петь’.

- (31) *as'-em ropit-m-al-ən / ropit-man ät ari-j-əs*
 отец-1SG работать-PFV.PT-3SG-LOC / NEG петъ-OBL-
 -CONV PST-3SG

‘Отец не пел, работая (= не пел во время работы).’

Тем не менее та же самая форма в некоторых контекстах допускает и фоновое асертивное употребление, не сохраняя истинность под отрицанием, как в (33) с одновременным отсутствием ситуаций ‘идти’ и ‘петь’.

- (32) *huoxs-ət äi mān-s-ət juoš xuwat ari-man / #ari-m-el-ən*
 друг-PL NEG идти- PST-3PL дорога по петъ-CONV /
 -PFV.PT-3PL-LOC

‘Друзья не шли по дороге, напевая песню
 (= не шли и не пели).’

Таким образом, обстоятельственные формы рассматриваемых языков делятся на используемые пресуппозитивно, асертивно или двояким образом. Распределение форм почти полностью (за исключением формы на *-igmoz*) повторяет типизацию по параметру прагматического включения ситуаций, что неудиви-

тельно учитывая связь пресуппозиции и высокой информативности с топиком в понимании Т. Гивона [18, 455]. Более информативные ситуации являются более топикальными и имеют тенденцию оказываться в пресуппозиции высказывания и выступать фоном для новых, менее информативных ситуаций в асерции.

Выводы

Результаты анализа форм одновременности по трем рассмотренным параметрам вариативности представлены ниже.

Сравнение употребления деепричастных форм в западнохантыйском, мокшанском и коми-зырянском языках

Параметр	Западнохантыйский язык		
	<i>-mXən</i>	<i>-tXən</i>	<i>-man</i>
Минимум одна ситуация имперфективная	+/-	+	+/-
Зависимая ситуация как прагматически включающая	+	+	+/-
Зависимая ситуация в пресуппозиции	+	+	+/-
	Мокшанский язык		
	<i>-əmslə</i>	<i>-əmək</i>	<i>-əz'</i>
Минимум одна ситуация имперфективная	+	+/-	+
Зависимая ситуация как прагматически включающая	+	+	-
Зависимая ситуация в пресуппозиции	+	+	-
	Коми-зырянский язык, ижемский диалект		
	<i>-igen/-igX</i>	<i>-igmoz</i>	<i>-igtir</i>
Минимум одна ситуация имперфективная	+	+	+
Зависимая ситуация как прагматически включающая	+	+/-	-
Зависимая ситуация в пресуппозиции	+	-	-

Итак, исследуемые формы образуют три естественных класса: 1) нестрогой стандартной одновременности; 2) строгой стандартной одновременности; 3) сопровождающего обстоятельства. К первому классу относятся формы, допускающие сочетание двух перфективных ситуаций, а именно на *-əmək* (с совмещенным выражением функции стандартного предшествования) и *-mXən* с любым по видовому ракурсу сочетанием ситуаций, а также прагматически включающей и пресуппозитивной зависимой ситуации-

ей. Ко второму принадлежат формы на *-tXən*, *-əmsə* и *-igen/-igX*, которые отличаются от первых невозможностью сочетания двух перфективных ситуаций. Третий класс образуют строго одновременные формы *-əz'* и *-igtir* с включаемой и ассертивной зависимой ситуацией. Наконец, особняком стоят строго одновременная форма на *-igmoz* и нестрого одновременная форма на *-man*, которые допускают любые по прагматическим свойствам зависимые ситуации.

Заключение

Рассмотренный материал хантыйских, коми-ижемских и мокшанских форм одновременности наглядно показывает, что вариативность форм с семантикой одновременности, которая до последнего времени трактовалась почти исключительно интуитивно, может быть описана в конкретных верифицируемых терминах видовых ракурсов ситуаций, прагматического включения и прагматического статуса зависимой ситуации. Данный подход к описанию может быть применен как к другим уральским языкам, так и в исследованиях на более широком типологическом материале. Возможные перспективы дальнейших изысканий среди прочего включают изучение акциональных свойств глаголов в конструкции и

возможностей их аспектуальной модификации, а также информационно-структурных особенностей форм и их поведения в нарративном дискурсе.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>иж. диал.</i>	– ижемский диалект;
<i>ожид.</i>	– ожидаемый перевод;
<i>ср.-об. диал.</i>	– среднеобский диалект;
<i>шур. диал.</i>	– шурьшкарский диалект;
<i>ACC</i>	– аккузатив;
<i>ACCP</i>	– сопровождающее обстоятельство;
<i>ADV</i>	– адвербиализатор;
<i>CAUS</i>	– каузатив;
<i>CONV</i>	– конверб;
<i>DAT</i>	– датив;
<i>DEF</i>	– определенность;
<i>EL</i>	– элатив;
<i>ESS</i>	– эссив;
<i>GEN</i>	– генитив;
<i>ILL</i>	– иллатив;
<i>INDEF</i>	– неопределенность;
<i>INF</i>	– инфинитив;
<i>INS</i>	– инструменталис;
<i>IPF</i>	– имперфектив;
<i>ITER</i>	– итератив;
<i>LAT</i>	– латив;
<i>LOC</i>	– локатив;
<i>NEG</i>	– отрицание;
<i>NPST</i>	– непрошедшее время;
<i>O</i>	– объект;
<i>OBL</i>	– косвенная основа;
<i>PFV</i>	– перфектив;
<i>PL</i>	– множественное число;
<i>POSS</i>	– посевивность;
<i>PST</i>	– прошедшее время;
<i>PT</i>	– причастие;
<i>S</i>	– субъект;
<i>SG</i>	– единственное число;
<i>SIM</i>	– одновременность;
<i>1, 2, 3</i>	– лицо.

Поступила 15.04.2017

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачёва М. Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А. И. Кузнецовой. Екатеринбург: Баско, 2010. 320 с.
2. Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
3. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1: Фонетика и морфология / под ред. М. Н. Колядёнкова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. 376 с.
4. Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология: учеб. для нац. отделений вузов / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1980. 430 с.
5. Кожемякина А. Д. Конструкции с синтаксическими актантами в мокшанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2016. Т. XII, ч. 1. С. 501–521.
6. Некрасова О. И. Деепричастные конструкции в коми языке: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015.
7. Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. Москва; Гамбург, 1995.
8. Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Обстоятельственные предложения // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / под ред. Е. А. Лютикова и др. Казань, 2007. С. 38–82.
9. Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка / под ред. В. И. Лыт-

- кина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 288 с.
10. Серебрянников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. Москва: Наука, 1967.
 11. Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 384 с.
 12. Современный коми язык. Ч. 1: Фонетика. Лексика. Морфология / под ред. В. И. Лыткина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 152 с.
 13. Стойнова Н. М. Рефактив и смежные глагольные значения // Acta linguistica Petropolitana. 2012. Т. VIII, ч. 2, вып. 6. С. 867–949.
 14. Типология таксисных конструкций / под ред. В. С. Храковского. Москва: Знак, 2009. 912 с.
 15. Черемисина М. И., Соловар В. Н. Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. Новосибирск, 1991. С. 66–84.
 16. Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 372 с.
 17. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разных стран. Москва, 1972. С. 75–113.
 18. Givón T. Syntax: An introduction. Amsterdam: John Benjamin's Publishing, 2001. Vol. 1. 500 p.
 19. Givón T. Syntax: An introduction. Amsterdam: John Benjamin's Publishing, 2001. Vol. 2. 406 p.
 20. Haspelmath M., König E. (eds.) Converbs in Cross-Linguistic Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. 565 p.
 21. Lehmann T. A grammar of modern Tamil / Pondicherry Institute of Linguistics and Culture. 1989. 387 p.
 22. Maslova E. A Grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. 627 p.
 23. Nedjalkov I. P. Converbs in the languages of Europe // Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Empirical approaches to language typology 20-3 / van der Auwera J. & Baoill Ó., Dónall P. (eds.). Berlin, 1998. P. 421–455.
 24. Onishi M. A Grammar of Motuna (Bougainville, Papua New Guinea) / Australian National University. 1994. 585 p.
 25. Ylikoski J. Converbs in Finnish and Komi: differences and similarities // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Tartu, 2001. P. VI. P. 420–424.

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF VERBAL FORMS EXPRESSING SIMULTANEITY IN MOKSHA MORDOVIAN, KOMI-ZYRIAN AND KHANTY IDIOMS

MURAV'EV Nikita A.,

Junior Research Fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia), nikita.muraviev@gmail.com

Introduction. The work considers the problem of the functioning and interpretation of taxis forms with semantics of simultaneity in the languages of the Finno-Ugric group. The existing description of these forms mostly refers to the formal side of the issue, while the semantics and pragmatics that underlie their competition have not received sufficient coverage so far. The purpose of the article is to provide a semantically and pragmatically oriented description of forms and refinement of existing typological classifications. The subject of the study is the converb forms in three languages: Moksha, Komi-Zyrian and Khanty. The results of the research can be used for the textbooks on grammatical semantics, as well as in the field studies.

Materials and Methods. The analysis of the forms was carried out on the basis of the data obtained in the survey of the speakers reside in the villages of Lesnoye Tsibaevo and Lesnoe Ardashevo of the Republic of Mordovia (2013–2015); Muzhi, Vosyakhovo, and Ovgort of the Yamalo-Nenets Autonomous District (2016, 2017).

Results and Discussion. The paper makes a brief semantic description of the forms, and then it examines sequentially their use according to three typologically relevant parameters: the view of the situations, the pragmatic inclusion of situations and the pragmatic status of the dependent situation. Based on the distribution of forms for these parameters, it distinguishes three types of simultaneity: vague standard simultaneity forms, strict standard simultaneity forms and accompanying circumstance forms.

Conclusion. The discussed converb forms with the semantics of simultaneity show that the extracted parameters (view-point of the events, pragmatic inclusion of the events and pragmatical role of the dependent event) provide a clearer picture of the functioning and distribution of such forms in the Finno-Ugric languages and typology.

Key words: converb forms; taxis; simultaneity; semantics; pragmatics; Komi-Zyrian language; Moksha language; Khanty language.

For citation: Murav'ev NA. Semantika i pragmatika glagol'nykh form odnoveremennosti v mokshanskikh, komi-zyrianskikh i khantiyskikh idiomakh [Semantics and pragmatics of verbal forms expressing simultaneity in the Moksha Mordovian, Komi-Zyrian and Khanty idioms]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017; 2: 52–62. (In Russian)

REFERENCES

1. Biriuk OL, Kashkin EV, Kuznetsova AI, Usacheva MN. Slovar' muzhevskogo govora izhemskego dialekta komi-zyrianskogo iazyka [Izhma Komi dictionary of Muzhi village]. Ekaterinburg; 2010. (In Russian)
2. Val'gamova SI, Koshkareva NB, Onina SV, Shiianova AA. Dialektologicheskii slovar' khantiyskogo iazyka (shuryshkarskii i priural'skii dialekty) [Khanty dialect dictionary (Shuryshkary and Priural dialects)]. Ekaterinburg; 2011. (In Russian)
3. Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzianskogo) iazykov. Ch. 1: Fonetika i morfologiya [Grammar of Mordovian (Moksha and Erzya) languages. Part 1: Phonetics and morphology]. Saransk; 1962. (In Russian)
4. Grammatika mordovskikh iazykov. Fonetika. Grafika. Orfografiya. Morfologiya: ucheb. dlia nats. otdelenii vuzov [Grammar of Mordovian languages. Phonetics. Graphics. Spelling. Morphology: Textbook. for National Departments of Higher Education Institutions]. Saransk; 1980. (In Russian)
5. Kozhemiakina AD. Konstruktsii s sententsial'nymi aktantami v mokshanskoy iazyke [Complement constructions in Moksha Mordovia language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016; 12; 1: 501–521. (In Russian)
6. Nekrasova OI. Deeprichastnye konstruktsii v komi iazyke: dis. ... kand. filol. nauk [Converb constructions in Komi. Dis. ... cand. philol. sci.]. Izhevsk; 2015. (In Russian)
7. Nikolaeva IA. Obdorskii dialekt khantiyskogo iazyka [Obdor dialect of Khanty]. Moskva; Gamburg; 1995. (In Russian)
8. Pazel'skaia AG, Shluinskii AB. Obstoiateľ'stvennye predlozheniia [Adverbial constructions]. *Misharskii dialekt tatarskogo iazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike* = Mishar dialect of the Tatar language. Essays

- on the syntax and semantics. Kazan'; 2007: 38–82. (In Russian)
9. Sakharova MA, Sel'kov NN. Izhemskii dialekt komi iazyka [Izhma dialect of Komi]. Syktyvkar; 1976. (In Russian)
 10. Serebriannikov BA. Istoricheskaia morfologiya mordovskikh iazykov [Historical morphology of Mordvin languages]. Moskva; 1967. (In Russian)
 11. Sichinava DV. Tipologiya pluskvamperfekta. Slavianskii pluskvamperfekt [Typology of the pluperfect. Slavonic pluperfect]. Moskva; 2013. (In Russian)
 12. Sovremenniy komi iazyk. Ch. 1: Fonetika. Leksika. Morfologiya [Modern Komi language. Part 1: Phonetics. Vocabulary. Morphology]. Syktyvkar; 1955. (In Russian)
 13. Stoinova NM. Refaktiv i smezhnye glagol'nye znacheniiya [Refactive and adjacent verbal meanings]. *Acta linguistica Petropolitana*. 2012; 8; 2; 6: 867–949. (In Russian)
 14. Tipologiya taksisnykh konstruktii [Typology of taxis constructions]. Moskva; 2009. (In Russian)
 15. Cheremisina MI, Solovar VN. Zalogovost', perekhodnost', priamoi ob'ekt v iazykakh raznykh sistem [Voice, transitivity, direct object in different language systems]. *Iazyki narodov Sibiri. Grammaticheskie issledovaniia* = Languages of the peoples of Siberia. Grammatical research. Novosibirsk; 1991: 66–84. (In Russian)
 16. Shluinskii AB. Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniiya: dis. ... kand. filol. nauk [Typology of pluractionality: pluractional aspectual meanings]. Dis. ... cand. philol. sci.]. Moskva; 2005. (In Russian)
 17. Jakobson RO. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov raznykh stran* = Principles of typological analysis of languages of different countries. Moskva; 1972: 75–113. (In Russian)
 18. Givón T. Syntax: An introduction. Amsterdam; 2001; 1. (In English)
 19. Givón T. Syntax: An introduction. Amsterdam; 2001; 2. (In English)
 20. Haspelmath M, König E (eds.). Converbs in Cross-Linguistic Perspective. Berlin; 1995. (In English)
 21. Lehmann T. A grammar of modern Tamil. Pondicherry Institute of Linguistics and Culture; 1989. (In English)
 22. Maslova E. A Grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin; New York; 2003. (In English)
 23. Nedjalkov I. P. Converbs in the languages of Europe. *Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Empirical approaches to language typology 20-3*. Berlin; 1998: 421–455. (In English)
 24. Onishi M. A Grammar of Motuna (Bougainville, Papua New Guinea). Australian National University; 1994. (In English)
 25. Ylikoski J. Converbs in Finnish and Komi: differences and similarities. *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Tartu; 2001; 6: 420–424. (In English)